

названия журналов типа «Задушевное слово», «Тропинка». Он строил здание совсем другой литературы, воздадим ему должное и вернемся к Ольге Иеронимовне, к ее колоссальной научной, просветительской, творческой работе. Она стала первым автором программы и первым профессором по курсу «Детская литература» в Герценовском институте. Она предопределила необходимость дальнейшей экспедиционной работы по собиранию и исследованию детского фольклора. Мимо ее, думаю, непревзойденной книжки «Детский фольклор. Изучение. Собираание. Обзор материала» (1928) не прошел ни один исследователь фольклора и детской литературы. Может быть впервые так серьезно был поставлен здесь, в этой книге, вопрос о привлечении к изучению детского фольклора специалистов других областей знаний: лингвистики, этнографии, антропологии. Она стала автором многих книг для детей, проявив себя на этом поприще не только фольклористом, но и замечательным знатоком детства и талантливым писателем.

В архиве О. И. Капица находится около тысячи писем, присланных ей. Прочитанные сегодня, эти письма заново открывают эпоху 1920–1930-х гг. Она была нужна многим и многим, потому что только с ней можно было быть предельно откровенным, к ней обращались за помощью, с ней делились творческими замыслами, она была авторитетом для Б. Житкова и В. Бианки (когда они уже отошли от Маршака). Она оставалась рядом с ухившимся из жизни и пережившим свое время Ф. К. Соллогубом, была добрым гением для погибавшей Л. Чарской, совершенно необходима А. П. Бабушкиной и еще больше Г. С. Виноградову. Повторяю: речь идет о целой эпохе в жизни О. И. Капица.

Ну и, наконец, о главном. Оглядываясь назад, к истокам, Маршак вспомнил согретую буржуйской светлую комнату, большое окно, выходящее на воронихинскую решетку Казанского собора, большой овальный стол, во главе которого сидела Ольга Иеронимовна, и назвал этот стол «колыбелью детской литературы». Остается добавить: неповторимая эта «колыбель» (не знаю больше других аналогов тому, уже легендарному кружку детской литературы) мыслилась как органическая часть жизни показательной библиотеки. А библиотека, в свою очередь, представлялась автору этого уникального проекта базой для широкого комплексного изучения и преподавания детской литературы. Рукописи не горят, но и идеи не пропадают бесследно. Сегодня нам особенно важно об этом вспомнить: не пора ли и нам оглянуться назад, подумать о том, не слишком ли много ценностей мы теряем? Проект показательной библиотеки и детальная его разработка в большей своей части существует только на бумаге, а имя его автора широко известно лишь исследователям фольклора, особенно детского. Может быть, сегодняшний день станет стимулом для изучения наследия О. И. Капица — ученого широкого профиля, фольклориста, педагога, писателя и (вроде мы забыли об этом), *реального* создателя Герценовской, еще и поныне уникальной библиотеки детской литературы. А может быть, можно и должно сделать все возможное, чтобы эта библиотека действительно стала в нашем городе *центром книжной культуры* и базой для многих жизненно важных начинаний!

Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории

«КРЕЩЕННЫЕ БЛОКАДОЙ...» (Герценовский университет в 1941–1945 гг.)

Важнейшей заслугой руководителей и всего коллектива герценовцев в годы Великой Отечественной войны является то, что им удалось в неимоверно трудных условиях сохранить вуз (в то время Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена), а в конце войны даже создать условия для его дальнейшего развития. Объективные причины (ленинградская блокадная зима 1941–1942 гг., первая и вторая эвакуации) приводили к перерывам между занятиями, которые неизменно возобновлялись, и учебный процесс в целом не прекращался. Такая особенная стойкость закалилась в ходе блокады, поэтому в заголовок статьи и вынесены знаменитые строки О. Ф. Берггольц.

Представим основные вехи военной истории Герценовского института сухими рядами цифр, за которыми скрыта трагическая и героическая судьба сотен и тысяч людей. Общее число студентов всех форм обучения в педагогическом институте и учительском институте на 1 декабря 1940 г. составляло 6599 человек. В институте к началу 1941 г. насчитывалось 1050 сотрудников, 421 из них принадлежал к профессорско-преподавательскому составу.

С первых минут войны институт, его сотрудники и студенты оставались частью нашего города и нашего народа, в полной мере разделившей его горькую военную судьбу. Вместе со всеми ленинградцами герценовцы пополняли ряды Красной Армии, погибали в рядах героической Ленинградской армии народного ополчения, вставшей на пути врага на подступах к городу. По данным институтской статистики конца 1941 — начала 1942 г., в РККА направились 162 студента-герценовца¹. Согласно институтским отчетам, за все годы войны на фронт ушли 1004 человека, 650 из них — по общей мобилизации, 308 — в народное ополчение, 25 — по партийной и комсомольской мобилизации, 21 — в партизанские отряды. Более 400 из ушедших защищать родину герценовцев погибли.

Несмотря на нечеловеческие условия блокады, институт жил и боролся вместе со всем Ленинградом. Удалось провести занятия в первом семестре и даже зимнюю экзаменационную сессию 1941/1942 учебного года. В ноябре 1941 г. был осуществлен досрочный выпуск до 320 учителей. Команды МПВО умело предотвращали крупные пожары на территории института. Герценовцы по мере сил помогали размещенному на территории института госпиталю. Вместе с тем многим из них, как и сотням тысяч ленинградцев, не удалось победить самых страшных врагов первой блокадной зимы — голод и холод. Институт понес невосполнимые потери. В этих условиях дирекция прилагала все возможные усилия для эвакуации вуза из блокадного Ленинграда. Первым ее успехом стал вывоз в декабре 1941 г. так называемой молотовской группы старших по возрасту уважаемых профессоров и преподавателей (14 герценовцев с семьями). Трое заслуженных профессоров скончались по дороге. В начале февраля 1942 г. по настоянию директоров вузов была организована эвакуация выпускников, в том числе и герценовцев. Из Ленинграда вывезли 162 студента-выпускника, 10–12 преподавателей, до 30 человек рабочих и служащих, до трех с половиной десятков человек членов семей сотрудников, а также 8 или 9 аспирантов².

На 1 февраля 1942 г. в институте насчитывалось около 1000 студентов. Основную группу герценовцев эвакуировали по льду Ладожского озера только 19 марта 1942 г. В нее вошел 491 студент, 88 преподавателей, 128 рабочих и служащих, 6 аспирантов, 234 иждивенца, всего 947 человек³. Страшная разница в цифрах между количеством студентов в институте и числом эвакуированных включает в себя погибших, а также тех, кто не смог или не захотел покинуть город. Большие потери вуз понес и в ходе двух труднейших эвакуаций (от Ленинграда до Пятигорска, а летом 1942 г. — с Северного Кавказа, к которому рвались гитлеровцы, через Каспий и Среднюю Азию на Урал).

С этого времени в течение двух с половиной лет ЛГПИ им. А. И. Герцена оказался разделенным на две части. Основная группа преподавателей, служащих и студентов сумела сохранить костяк вуза и добралась до уральского городка Кыштыма, ставшего главным местом пребывания института до лета 1944 г. 19 сентября 1942 г. в Кыштым прибыли 41 преподаватель, 10 служащих и 128 студентов института им. Герцена. К ним присоединились 7 профессоров — членов молотовской группы. Удалось не только возобновить занятия с привезенными студентами и осуществить два набора местных абитуриентов, но и развернуть широчайшую научно-методическую и научно-популяризаторскую работу. Ко времени реэвакуации в 1944 г. в вузе насчитывалось 72 преподавателя, 25 аспирантов и свыше 300 студентов⁴.

Несколько сотрудников института, оставшихся в Ленинграде (в 1943 г. их штат составлял 14 человек), в сложнейших условиях блокады сумели законсервировать и сохранить для будущей работы основную учебную базу института, большую часть его имущества и книг. Осенью 1943 г., в числе первых среди ленинградских вузов, Ленинградский филиал ЛГПИ им. А. И. Герцена объявил о приеме студентов, успешно провел блокадный набор и 15 октября 1943 г. начал учебные занятия. Их начало герценовцы запомнили как один из самых светлых дней. «Много у нас и радостного, бодрящего, обещающего близкую победу и конец проклятого врага: Ленинград под летающей смертью живет и восстанавливает жизнь, — писала заведующая библиотекой А. И. Градусова в Кыштым 30 ноября 1943 г. — Невозможно передать Вам наши чувства при восстановлении института. Так было радостно видеть вновь ожившими и загудевшими молодыми голосами старые стены, коридоры и аудитории — не жалко было никаких сил для того, чтобы эта чудная вспыхнувшая жизнь продолжалась в стенах института»⁵.

Зачислены были 904 студента, 421 из них ранее учились в пединститутах и университете, еще 112 — в других вузах. В условиях войны и блокады студентами стали преимущественно девушки (873 женщины и 31 мужчина, т. е. лиц мужского пола было лишь 3,6%). Из числа военнослужащих 40% являлись участниками боевых операций под Ленинградом, Москвой, Сталинградом и на других фронтах. Получив тяжелые ранения, по состоянию здоровья они были освобождены от службы в действующей армии. 90% студентов объединяла и общая награда: медаль «За оборону Ленинграда»⁶.

Ростки мирной жизни, связанной в сознании герценовцев с возрождающимся институтом, пробивались сквозь блокадную почву. Город продолжал страдать от артобстрелов и бомбежек. А. И. Градусова вспоминала: «Фашистские изверги пристрелялись к зданиям института. Обстрелы особенно усиливались с 6 часов до 10 часов вечера, когда студенты собирались на занятия и уходили из института». 30 ноября 1943 г., отвечая на высказанное коллегами предположение о возможности досрочного возвращения в родной город, она писала: «Жизнь в Ленинграде все еще очень тяжелая во всех отношениях. Очень часты еще обстрелы города и много от этого жертв... Библиотекари, кроме директоров, у нас все еще на второй категории [продовольственные карточки по нормам служащих. — Т. Ф.], это страшно мало... В библиотеке очень холодно. Топим только помещение бывшего аспирантского зала, где теперь литературный пункт, да печку при входе. Пилим и колем дрова сами»⁷.

Несмотря на тяжкий блокадный быт, и в городе, и вдалеке от него внимательным наблюдателям было ясно, что блокаде скоро придет конец. В Кыштыме победы так ждали, что, едва получив известие о соединении 20 января 1944 г. советских войск в районе Ропши и ликвидации петергофско-стрельнинской группировки противника, руководители эвакуированного института тут же послали телеграмму в Ленинград: «Поздравляем коллектив вас славной победой Ленинградском фронте». Вместе со всеми ленинградцами потрясение испытали и герценовцы: «Весть о разгроме немцев в январе 1944 г. прозвучала как гром, радостный и долгожданный. 27 января город, впервые за 900 суток затемнения, засиял огнями салюта. Люди, как зачарованные, глядели на эти блистающие огни. Долгое время не расходились, плакали, обнимались, поздравляли друг друга»⁸.

После освобождения Ленинграда от блокады главным стремлением герценовцев стало возвращение эвакуированных в Ленинград. Усилия всего коллектива привели к тому, что ЛГПИ вернулся в родной город в группе первых реэвакуированных вузов. В начале 1944 г. директор института Ф. Ф. Головачев самолетом отправился в Москву, чтобы добиться скорейшего возвращения ЛГПИ в Ленинград. В феврале 1944 г. он прибыл в Ленинград. Помимо переговоров с городскими властями, вместе с директором Ленинградского филиала В. М. Михайловым Ф. Ф. Головачев разработал «план мероприятий по подготовке реэвакуации института». Деятельность филиала сосредотачивалась на решении жилищных проблем преподавателей и студентов, укреплении учебной и материальной базы вуза. Ленинградские герценовцы должны были организовать комиссию «по систематическому надзору за квартирами профессорско-преподавательского состава», освободить от временных посторонних жильцов общежития, подготовить их к заселению студентами и лишившихся квартир сотрудниками. Деканам и заведующим кафедрами филиала было предложено «привести в порядок все лаборатории» к 1 мая 1944 г. Работникам библиотеки полагалось разобрать книжные фонды и оборудовать «читальное зало».

В Кыштыме планировалось организовать курсы по подготовке студентов к проведению ремонтных работ в институте. Возникла также идея подбирать в Кыштыме рабочую силу для восстановления института из эвакуированных ленинградцев. Ф. Ф. Головачев вызвался обратиться к челябинским организациям за строительными материалами⁹.

Для старых герценовцев приезд директора стал свидетельством скорого возвращения дорогих коллег. «Приезду Федора Федоровича все бесконечно обрадовались, — писала А. И. Градусова в Кыштым 26 февраля 1944 г., — встретили его как родного, близкого человека. И сейчас так приятно и радостно видеть его среди нас. Так ободряет и так поднимает настроение его внимание, хозяйское отношение ко всякой мелочи в жизни института».

Заручившись поддержкой планов реэвакуации со стороны местных властей, Ф. Ф. Головачев в двадцатых числах марта 1944 г. возвратился в Кыштым. Здесь его давно ждали. «По-

ездка в Ленинград принята нашими студентами с таким энтузиазмом! — читаем в одном из писем. — На зов директора сбежались все моментально! ... Мне даже не верится, что это когда-нибудь осуществится, и я всё опасаюсь, что не попаду в Ленинград»¹⁰.

Долгожданный приказ о реэвакуации был подписан 19 июня 1944 г. В числе 8 ленинградских вузов (политехнического, технологического, инженерно-строительного, электротехнического институтов, а также институтов инженеров связи, инженеров железнодорожного транспорта, физкультуры) к началу 1944/1945 учебного года полагалось реэвакуировать и Педагогический институт им. А. И. Герцена. В июле 1944 г. Ф. Ф. Головачев привез из Кыштыма в Ленинград бригаду из 70 студентов, обученных рабочим профессиям, и институтских хозяйственников. Остальная часть эвакуированного коллектива оставалась в Кыштыме, завершая там учебную, научную и организационную работу. Была проведена сессия, осуществлен выпуск 25 студентов учительского института из местных молодых людей, оставшихся работать недалеко от дома. Лишь немногие из кыштымцев захотели продолжать образование и поехали в Ленинград.

Официальное благодарственное письмо, подписанное руководителями института и адресованное секретарю Челябинского обкома ВКП (б) Н. С. Патоличеву, было выдержано в торжественных тонах: «Приближается час нашего возвращения в родной героический Ленинград. Покидая Урал, где мы провели почти два года, мы считаем долгом обратиться к вам с нижеследующим: ... Встретив с самого начала очень внимательное отношение областных и районных организаций, институт получил возможность немедленно развернуть научно-учебную и общественную работу в соответствии с лучшими традициями своей ленинградской деятельности». К заслугам вуза перед Уралом герценовцы относили вовлечение в состав студенчества «лучшей части... молодежи Кыштыма» и подготовку 110 учителей. Уезжавшая в составе института группа уральских студентов, по мнению авторов письма, должна была получить «в Ленинграде хорошую закалку для работы на Урале». Подчеркнув стремление ЛГПИ «оказать помощь молодым научным силам», руководители института изложили программу дальнейшего сотрудничества. Письмо заканчивалось словами: «Спасибо за помощь и гостеприимство! Пусть растет и процветает могучий Урал!»¹¹

Для переезда в Ленинград было заказано 20 вагонов. До 30 преподавателей должны были приехать из других городов страны. Предполагалось также перевезти 3 вагона грузов (книг, оборудования). Второй эшелон герценовцев прибыл в Ленинград 20 августа 1944 г. К этому времени Наркомпрос уже закрыл кыштымскую страницу истории института. 5 августа 1944 г. филиал в Ленинграде был упразднен, а весь персонал и студентов Наркомпрос распорядился «вливать в состав института». В августе — октябре 1944 г. силами студентов, преподавателей и служащих удалось провести первоочередной ремонт в 3-м и 2-м учебных корпусах, общежитии, фундаментальной библиотеке. Было восстановлено центральное отопление, отремонтирована кровля, произведено частичное остекление окон, остальные пришлось «офанеривать». Проводились работы в институтских дворах: были разобраны траншеи, а территория очищена от мусора¹².

1944/1945 учебный год по всем параметрам оказался для института переходным от военной к мирной жизни. О мирном времени свидетельствовала сама возможность возвращения в Ленинград, прекращение боевых действий — артобстрелов и бомбежек — на его территории. Однако война еще не кончилась, хотя фронт и откатился на запад. Многие преподаватели, студенты и аспиранты продолжали службу в действующей армии, зияли раны родного города, основные корпуса института продолжал занимать военный госпиталь, по-военному жестко был регламентирован въезд в Ленинград, ленинградцы, как и все граждане СССР, продолжали получать по карточкам скудный продовольственный паек. Главное же состояло в том, что герценовцы, как и все жители города, еще не оправались от последствий блокады как в физическом, так и в психологическом отношении.

Занятия в институте начались 2 октября 1944 г. Началу учебного года, как обычно, предшествовал прием абитуриентов. Вступительные экзамены, отмененные в начале войны, были восстановлены. Общее число студентов дневного отделения педагогического института составило 957 человек, в учительском институте обучался 61 студент, еще 38 приняли на подготовительное отделение. Кроме вчерашних школьников, на учебу восстанавливались довоенные студенты ленинградских педвузов, а также ленинградцы, учившиеся на периферии. И то, и другое

вызывало значительную академическую задолженность студентов. В течение учебного года разрешено было восстановление на старшие курсы демобилизованных из армии, а также реэвакуированных бывших студентов.

В вузе действовали 8 факультетов: исторический, русского языка и литературы (литфак), естественный, физико-математический, географический, иностранных языков, педагогический и библиотечный (на базе института им. Н. К. Крупской). Учительский институт состоял из 3-х отделений.

Пестрый состав студентов привел к тому, что отсеив в институте был высок: по разным причинам в течение года отчислились 16,7% студентов. Общая численность студентов при этом из-за зачисления на старшие курсы увеличилась на 288 человек. Повышенная текучесть студенческого контингента объяснялась разными причинами. Части студентов не удавалось прописаться в Ленинграде, другие переходили с дневного на вечернее отделение, некоторых предприятия и учреждения отказались освободить от работы. Многие взрослые студенты не справились с учебной нагрузкой после столь длительного перерыва. Число студентов постоянно менялось, но в целом оставалось значительным. По данным на 1 января 1945 г. на дневном отделении обучались 1386 человек, на вечернем — 682 человека, на заочном — 1621, на подготовительном — 60, всего 3749 студентов, т. е. их количество уже можно было сравнивать с довоенным периодом.

Преподаватели работали на 42 кафедрах. Общая их численность к концу учебного года вместе с совместителями достигла 329 человек. Основные кадры «коренных» герценовцев, оставшихся в живых, сохранились. Несмотря на финансовые трудности, институту удалось использовать не только штатных преподавателей, но и привлекать совместителей, в основном, лучших преподавателей других вузов. На истфаке, например, студенты могли принять участие в работе одного из четырех спецсеминаров. В. В. Мавродин вел спецсеминар по истории Киевской Руси, В. Н. Бернадский — по истории Новгорода, С. Б. Окунь — «Отечественная война 1812 г.», Н. А. Корнатовский — «Внешняя политика СССР». Характерно, что трое из этих преподавателей, исключая замечательного герценовца В. Н. Бернадского, являлись одновременно и лучшими профессорами истфака ЛГУ, работавшими в ЛГПИ до войны.

Посещаемость занятий, на уровне которой не могли не сказаться трудности повседневной жизни и разношерстный состав студентов, тем не менее, оставалась традиционно высокой. В среднем за год она составила в пединституте 90,7%, а в учительском институте — 91,1%. Интересно, что студенты IV курса посещали занятия заметно аккуратней, чем первокурсники. Получалось, что институт приучал своих питомцев к дисциплине. Государственные экзамены сдали почти все выпускники, за исключением получивших отсрочку по болезни.

В Ленинграде развернулся новый этап научно-исследовательской работы преподавателей. Заметное место среди научных тем занимали остро актуальные, связанные с Отечественной войной. Ведущими направлениями также являлись история русской культуры, естественные ресурсы страны и их восстановление, борьба с формализмом в преподавании. Близкое окончание войны чувствовалось и в усилении внимания к аспирантуре. В 1944 г. был проведен конкурсный отбор аспирантов. В институте создавался совет из 44 ученых разных специальностей, который мог принимать к защите докторские и кандидатские диссертации по специальностям: русский язык и литература, педагогика, психология, зоология, ботаника, а также кандидатские диссертации по специальностям: история Древнего мира, история Средних веков, история Нового времени и история народов СССР, математика, матанализ, история педагогики. В ЛГПИ в 1944/1945 учебном году было уже 54 аспиранта, из них на I курс было принято 15 человек. В 1945 г. аспирантуру заканчивали 8 человек, 5 из них представили диссертации. Напряженно работала библиотека, выдавая в среднем по 564 книги ежедневно.

Материальная база института была крайне ограниченной. Значительную часть его корпусов продолжал занимать госпиталь. В 1944/1945 учебном году вуз располагался только в 3-м и в части 2-го корпуса, в которых в довоенное время размещались факультеты естествознания и физико-математический. Крайняя стесненность в помещениях заставляла работать в три смены — с 8 часов 30 мин. утра до 10 часов 20 мин. вечера. Аудиторий для практических занятий не хватало. Отсутствие институтской столовой создавало большие трудности с организацией питания студентов и сотрудников. В учебном корпусе удалось организовать лишь небольшой буфет. Переход в руки госпиталя институтского клуба в значительной степени лишил герценов-

цев возможности проводить культурно-массовую работу. В феврале 1945 г., когда на культурные нужды были ассигнованы определенные средства, институт начал снабжать студентов билетами в театры, на выставку, посвященную обороне Ленинграда, организовывать киносеансы в бывшем клубном кинозале. Было положено начало институтской самодеятельности.

Несмотря на нехватку помещений, в 13-м корпусе было организовано общежитие на 300 иногородних студентов, преимущественно кыштымцев. Условия жизни в нем, судя по сохранившимся документам студсовета, были спартанскими, однако постепенно улучшались силами самих жильцов.

Согласно законам военного времени, студентов и сотрудников продолжали привлекать к выполнению работ, необходимых для института и города. В январе–феврале 1945 г. 25 студентов были отправлены на лесозаготовки. Продолжались и ремонтно-восстановительные работы в институте. Особенно запомнилась студентам и сотрудникам выгрузка дров. В начале 1945 г. приказом по институту были установлены «минимальные отработки для каждого студента на объектах города Ракова, 15 [ныне Итальянская ул. — Т. Ф.], Невский, 41 по 24 часа в месяц или 6 часов в неделю». Рабочие из студентов, трудившиеся внутри института, должны были выработать по 15 часов в месяц. Восстановительные работы — новое в практике военных лет, вселяющее надежду на окончание войны, — соединялись с тем, что, во всяком случае, для сотрудников института, стало делом традиционным, — помощью госпиталю и армии вообще. Среди забот дирекции весной 1945 г., кроме восстановительных работ, были привычные хлопоты по организации посевной кампании в подсобном хозяйстве. Она проводилась вручную, при полном отсутствии «тяговой рабочей силы». План посева был невыполнен, и директор получил нагоняй из Наркомпроса.

На первый план ко времени окончания войны выдвинулись проблемы развития института — прием 1945 г. и учебная база вуза, по-прежнему занятая военным госпиталем № 1014. В 1945 г. на первый курс дневного отделения Герценовского института планировалось принять 670 человек, вечернего — 480 человек, заочного — 640 человек. Кроме того, институт «получил лимит для восстановления на старшие курсы с правом вывоза в Ленинград 760 студентов». Администрация проводила целенаправленную работу по возвращению в вуз тех, кто учился в нем до войны.

Вуз ожидало значительное пополнение, а заниматься студентам было негде. По настоянию администрации института Горисполком еще 30 ноября 1944 г. принял решение «просить СНК СССР принять постановление об освобождении учебных помещений ЛГПИ им. Герцена, корпусов 1, 2, 4, 5, 6 и 9». Институт возбудил ходатайство перед СНК, но весной 1945 г. ответа так и не получил. Настойчивости, впрочем, его руководителям было не занимать, настоятельные просьбы, обращения в ЦК ВКП (б) и к председателю СНК СССР В. М. Молотову продолжались, и в 1946 г. всемогущее военное ведомство сдалось на милость победителя. Госпиталь был расформирован, а квартал на Мойке занял ЛГПИ.

9 мая 1945 г. — день всенародного ликования — в институте им. А. И. Герцена был отмечен многолюдным митингом. Выступали В. А. Десницкий, А. С. Гинзберг, Н. П. Гринкова — уважаемые профессора, в тяжкие военные годы отдававшие все силы родному институту. «Война окончена! Громадные усилия и жертвы, принесенные нашей страной во имя защиты Родины, во имя высшей справедливости, во имя свободы всех народов, привели к желаемому результату»¹³, — торжественно заявил В. Н. Верховский.

Огромная заслуга в сохранении и даже развитии к моменту окончания войны Герценовского института принадлежала его директору военных лет Ф. Ф. Головачеву. В страшные военные годы ему случалось быть руководителем твердым и жестким, но все его беспощадные действия по поддержанию порядка и дисциплины были направлены на то, чтобы его подчиненные в нечеловеческих условиях могли оставаться людьми. Директор стремился, чтобы подведомственное ему учебное заведение сохранилось, а для выживания и спасения герценовцев были обеспечены хотя бы минимальные условия. Он думал о деле, и потому пользовался в институте поддержкой многих.

Многие сотрудники и студенты ЛГПИ в годы войны продемонстрировали лучшие качества нашего человека того времени: патриотизм, мужество, стойкость, терпение, выносливость, коллективизм, способность к сопереживанию, взаимовыручке и взаимопомощи и даже чувство

юмора и самоиронию. Главное же, что отличало сотрудников ЛГПИ и способствовало сохранению и возрождению вуза в самых безвыходных ситуациях, — это любовь к родному институту, своеобразный ведомственный патриотизм, высокий профессионализм, желание и, что, может быть, еще важнее, умение работать. Военная биография тех, кто работал и учился в ЛГПИ, была полна лишений и страданий, но те, кто выжил, сохранили стойкость духа и на протяжении всей жизни с честью несли имя ленинградцев, герценовцев.

Примечания

1. ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 31. Д. 603. Л. 28–29; Д. 606. Л. 52; Оп. 34. Д. 134. Л. 1–4.
2. Там же. Оп. 34. Д. 747. Л. 1–2; д. 746. Л. 1 об., 8. Д. 745. Л. 2–2 об.; Д. 605. Л. 84.
3. Там же. Д. 747. Л. 9.
4. Там же. Оп. 31. Д. 754. Л. 29 об., 39 об., 40; д. 743. Л. 1.; Оп. 34. Д. 158. Л. 19.
5. Там же. Оп. 31. Д. 767. Л. 1; Оп. 34. Д. 160. Л. 12 об.–13.
6. Там же. Оп. 34. Д. 16. Л. 4–5; Оп. 31. Д. 758. Л. 13. .
7. Библиотекари осажденного Ленинграда: Сб. воспоминаний, дневников, писем и документов. Вып. 2. СПб., 2003. С. 13; ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 34. Д. 161. Л. 11–12.
8. ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 31. Д. 758. Л. 26; Библиотекари осажденного Ленинграда: Сб. воспоминаний, дневников, писем и документов. Вып. 2. С. 13.
9. ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 34. Д. 168. Л. 22–24.
10. Там же. Д. 161. Л. 6, 18.
11. Там же. Д. 168. Л. 2.
12. Там же. Д. 158. Л. 3, 19; д. 166. Л. 5, 7; Оп. 31. Д. 770. Л. 31–32; Оп. 34. Д. 166. Л. 9.
13. Там же. Оп. 31. Д. 770. Л. 1–3, 8–16, 25–26, 30–31; Д. 772. Л. 13–16 об.; Д. 773. Л. 1–11; Оп. 34. Д. 161. Л. 7–8; Д. 168. Л. 25–26; Д. 181. Л. 3–4, 8; Архив РГПУ. Приказ № 46 по ЛГПИ им. А. И. Герцена от 5 марта 1945 г.; Библиотекари осажденного Ленинграда. Сб. воспоминаний, дневников, писем и документов. Вып. 2. С. 16–17; «Советский учитель». 9 мая 1986 г.; Педагогический университет им. А. И. Герцена. От Императорского Воспитательного дома до Российского государственного педагогического университета. СПб., 1997. С. 135.

*А. И. Градусова**

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Перед началом Великой Отечественной войны библиотека Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена была одной из крупнейших вузовских библиотек города. Она обладала книжным и журнальным фондом, превышавшим полмиллиона томов. Ее посещали 10500 читателей, которым предоставлялось ежегодно 700000 книг.

Библиотека обладала солидным справочно-библиографическим аппаратом, состоящим из большого количества справочников и картотек, размещенных не только в фундаментальной библиотеке, но и в учебных пунктах. Проводилась большая справочно-библиографическая работа и пропаганда книги в стенах института и в школах города. Продолжался начатый в 1936 г. сбор библиографических материалов об А. И. Герцене и К. Д. Ушинском. С 1934 г. библиотека стала получать обязательный бесплатный экземпляр Всесоюзной книжной палаты по педагогическим наукам и методикам преподавания предметов, а с 1936 г. — обязательный платный экземпляр по профилю всех институтских кафедр. Библиотеке предоставлялись валютные ассигнования, на которые приобретались зарубежная периодика и книги по точным наукам. Штат библиотеки состоял из 52 человек.

Положение библиотеки уже в период первого года блокады Ленинграда оказалось очень тяжелым. Пропало более 40000 экземпляров учебной и другой литературы, числившейся за читателями, ушедшими в ополчение и в ряды Красной Армии. Не стало электричества и отопления. Окна заложили

* Градусова Александра Ивановна (1897–1988) — возглавляла фундаментальную библиотеку с декабря 1943 г. по 1972 г. Воспоминания А. И. Градусовой подготовлены к печати фундаментальной библиотекой и музеем истории университета.